

СТИХИ И СТИХИИ

В наших душах отлив обнажил неликвиды,
черти газ поддают, прогревая тандыры,
а чтоб вверх улетали угара флюиды,
в тверди неба просверлены «чёрные дыры».

Жупел глотку свербит — слой защитный подрелен,
словно доски весною под устья скворечен.
Я поэт — и давно должен быть бы расстрелян,
на худое — хотя бы отравлен, повешен.

Но я жив, вопреки прописному поверью,
и смотрю на себя — взгляд мой потусторонен.
Дух свой падший спасая в соборах под Тверью,
вижу демонов древних сквозь склепы в Вероне.

Досконально я ими, дружище, изучен —
им «стучит» специально обученный гоблин.
За мою спиной приговор мой озвучен,
и палач к исполнению его подготовлен.

Смерть за мною впритык. А за тонкою гранью —
жизнь. Та грань отделяет живот мой от смерти.
Я рванул в неизвестное утренней ранью,
пели ангелы чёрные реквием Верди.

Сергей

ШИЛКИН

Грань прорвал я и буду расстрелян
едва ли,
и повешен я тоже не буду, пожалуй.
Средь цветущих Болоний, Провансов,
Вестфалий
я бреду одиноко — уставший хожалый.
Мне с трудом удалось эти годы лихие
пережить — я не вор, не разбойник,
не ландскнехт.
Я в пространство стремлюсь,
где стихи и стихи...
Это Русь.
Там светло и... божественно пахнет!

MEMENTO MORI

Не спал я — опять почему-то не спится.
Сквозь зеркало отблеском древних мистерий
ворвалась мне в комнату чёрная птица,
как сгусток неведомых тёмных материй.

Мерцал на экране таинственно «Google».
Встряхнувшись до костного хруста — зная, ломка —
неспешно литовку поставила в угол
в курном балахоне до пят незнакомка.

Я вздрогнул и понял — финал неотложен,
потрачены жизни мгновенья без толка.
И мой монолог с нею был односложен:
«Ты ангел и, значит, заложница долга.
Так действуй, как должно — не будь идиоткой...»

Мы ночь напролёт, не смолкая, «трындели»
с забредшей ко мне сердобольною тёткой —
внезапную смертью под утро в постели...

... «Как звать тебя, дева?» — «Астарта-Кибела».
Мы плыли по Стиксу в Хароновой лодке,
в душе моей песнью забытой вскипело
«Memento...», от страха застрявшее в глотке.

ШИЗГАРЕ

Улетели стрижи, хотя жаркое лето в разгаре,
тишина в небесах и средь золота спящей ржи.
Заполняется утро безмолвное песней «Шизгаре»,
истекающей с ретроканалов в формате 3G.

Сразу вспомнилось всё: и гулянье по Невскому ночью —
ощущение лёгкое, будто над миром лечу —
и увиденный мной зеленеющий Пётр воочию,
и каштановый «хайер», текущий волной по плечу.

И как мы веселились в «Сайгоне», коктейлей напившись —
да так шумно и зло, что оттуда нас гнали взашей,
как, в общаге по сто человек в комнатёнку набившись,
танцевали всю ночь напролёт немудрёный свой шейк.

Всё прошло. Я в избушке живу без железной ограды,
у меня во дворе «лисапед», а не импортный «бенц».
Жизнь я честно прожил и не требую, в общем, награды.
Я — российский простой — из далёкой провинции — «пенс».

Моя жизнь удалась, хоть мой род не из «пэров» и «донов» —
в уголке моего огорода кизил и ирга.
Но по-прежнему скачет по сценам главарь «Ролингстонов».
Кто бы мог ожидать такой прыткости от старика?

Он из тех, кому зал рукоплещет, скандируя: «Браво!»
Я ведь тоже — поверь мне — не прочь от души поскакать.
Но мешают дела — в моём доме детишек орава,
я строгаю из дуба для зимней охоты рогать.
Не спеша вместе с жизнью вперёд мы плетёмся шкандыбо —
в мои годы, всё бросив, куда-то бежать — на фига?
Если ж песенка та зазвучит — всё встаёт во мне дыбом
От простецкой мелодии, сделанной, знать, на века...